

УДК 821.161.1(09)

ГАЛИМОВА Елена Шамильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 72 научных публикаций, в т. ч. 3 монографий, 4 учебно-методических пособий

ОБРАЗ-АРХЕТИП МОРЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье исследуется один из центральных архетипических образов-мифологем, характеризующих картину мира Поморья. Анализ художественных текстов позволил автору выявить основные смыслы и способы создания этого образа, исследовать его взаимосвязь с фольклорными источниками и мифологическим сознанием.

Ключевые слова: *Северный текст русской литературы, архетип, мифологема, художественная картина мира.*

В художественной картине северорусского мира, создаваемой литературой на протяжении нескольких столетий, архетипический образ (мифологема) моря занимает особое место. Несмотря на то, что универсальные образы – мифологемы, представляющие собой реализацию архетипа в художественном тексте, восходят к коллективному бессознательному, в то же время в каждой национальной культуре они получают и свой особый смысл, участвуя в создании уникальной художественной, мифопоэтической картины мира.

Н.М. Терехин пишет: «Вода – это не только порождающее лоно и крестильная купель мира и человека, но и та смертная материя, в которую они облакаются и претворяются

на краю – “на берегу” времени и пространства. Являясь универсальной сокровищницей всего религиозного опыта человечества, памятующего о своем происхождении из вод мирового океана, водный, или морской, комплекс представлений по-разному осваивался и продуцировался, выражался, воплощался в мифопоэтических моделях разных народов мира»¹.

Наряду с общими смыслами, которыми наделяется мифологема моря в других художественных системах, в Северном тексте русской литературы она обогащается и рядом дополнительных, специфических значений, обусловленных его своеобразием. И в пространственно-временной структуре северорусской картины мира, и в ее образном наполнении

отражены древние пласты архетипического сознания и мифологического космогонического мировосприятия, во многом обеспечивающие единство Северного текста и формирующие его базовые сверхсмыслы.

Строки Бориса Шергина из очерка «Двинская земля»: «А в нашей стране – вода начало и вода конец. Воды рожают и воды погребают»², самым наглядным образом демонстрируют, как взаимодействуют, сливаются в художественном (по природе своей – мифопоэтическом) сознании реалии действительности и архетипические смыслы, образуя нерасторжимое единство обыденного и трансцендентного, профанного и сакрального. Эти строки – своего рода формула, содержащая в свернутом виде весь спектр смыслов, связанных с мифологемой моря в Северном тексте русской литературы в целом и, в частности, в творчестве Бориса Шергина, произведения которого являются ядром этого текста, самой насыщенной и сокровенной его страницей. Н.М. Теребихин отмечает: «Северный текст Б. Шергина – поэта-мифотворца и философа Севера – это прежде всего “североморский” текст, в поэтике которого ключевое место занимает мифологический образ Белого моря <...> пред которым, как пред иконой пресветлой преображенной земли Севера, стоял радостный, умиленный и просветленный гений певца Поморской Славы. <...> Борис Шергин, возможно, один из первых открыл, явил изначальность морской стихии в русской душе...»³.

Главной творческой задачей Шергина было увековечение традиций жизни поморов, всего богатства этих традиций – духовных, нравственных, трудовых, артельных, семейных, художественных, языковых. В самом названии этнической общности русских людей, сформированной жизнью на границе земли и моря, на крайнем северном рубеже Руси, отражена неразрывная связь человека с морем. В рассказах Шергина встречаются афористичные высказывания, которые, по сути, являются расшифровкой слова «помор», пояснениями к нему: «Море нас поит, кормит, море и погребает» («В отnose морском»); «Нам, поморам, море –

поилец, кормилец. Но море даст, что возьмешь» («Матвеева радость»); «Море строит человека» («Егор увеселялся морем»).

Космогонические представления о мировом океане, который есть начало и конец всего сущего, лежащие в основе шергинского образа (точнее, сентенции): «...в нашей стране – вода начало и вода конец. Воды рожают и воды погребают» – естественно и органично соединяются с опытом жизни поморов, какой она оставалась и в XX веке. Образ моря в художественной картине северорусского мира сохраняет свой древнейший архетипический смысл, оставаясь аналогом материнского лона. О героине своего рассказа «Осень в дубовых лесах» Юрий Казаков говорит: «Она была поморкой, она даже родилась в море на мотоботе летом в золотую ночь»⁴. А шкипер из рассказа Бориса Шергина «Егор увеселялся морем» с морским простором соотносит свое становление: «Жизнь моя началась на службе Студеному морю. Родом я с Онеги, но не помню родной избы, не помню маткиных песен. Только помню неоглядный простор морской, мачты да снасти, шум волн, крики чаек. Я знал Студеное море, как любой человек знает свой дом»⁵.

В литературном переложении фольклорной баллады «Братанна», сделанном Шергиным, *живая вода* Гандвига – Студеного моря исцеляет искалеченную героиню: «Волнами ее подхватило, / В сердце морском переновило... / Вышла Братанна из моря, / Как ново на свет родилась»⁶.

Студеные северные моря становятся и последним пристанищем поморов, местом их погребения. При этом и в фольклорных текстах, и в произведениях писателей чаще о гибели в море говорится не как о смерти, а как об «уходе»; море «берет», «забирает», «отнимает». Этот уход мифологически соотносится с возвращением в материнское лоно, в воду как в изначальный хаос, куда предстоит вернуться и всей земле (космосу)⁷. «Про нашу жизнь промысловую послушаешь, так удивишься, удивишься и устрашишься... – говорит шергинский зверобой-промышленник, помор с

Зимнего берега Белого моря. – Спроси того-другого робенка в Поморье: “Где тата” – скажет: “Вода взяла” ...Море нас поит, кормит, море и погребает...”⁸. И в «Двинской земле» вновь возникает этот же оборот: «А сына вашего, а вашего друга вода взяла»⁹. В литературу этот оборот пришел из народного словоупотребления. Оплакивая утонувшего мужа, поморка причитала: «Покинул нас, море его взяло...»¹⁰.

Смерть в море подстерегает каждого из живущих на его берегах. И морское дно, и побережье – своего рода большой «жальник», место упокоения «взятых морем» рыбаков и зверопромышленников. Повествователь «Северного дневника» Юрия Казакова вспоминает «деревню на Белом море, в которой жил когда-то... тихое кладбище на обрывистом берегу реки, высоченные поморские кресты с вырезанным на всех словом ИНЦИ, крашенные деревянные обелиски, фотокарточки застекленные... и все бросалось в глаза странное в наше мирное время слово “погиб”. Погиб в таком-то году, в таком-то, в таком-то, погиб, погиб... Ах, это море!»¹¹.

В поморских плачах, записанных Ксений Гемп, запечатлено образное мифопоэтическое представление о всемогуществе моря, обладающего безграничной властью над человеком и вместе с тем неразрывно связанного с ним. Цитируя фрагмент записанного ею плача: «Море ты наше беспокойное, / Кажинный год жизни забираешь, / Жен, матерей обездоливаешь... / Горе несешь неизбывное, печаль великую. / Ох и страшна волна морская, / Холодна, темна, солоната вода глубинная... / Но душа помора знает: Море – наш кормилец», – автор книги «Сказ о Беломорье» заключает: «Да, у помора все было связано с морем. И жизнь, и смерть»¹².

Мифологические мотивы смерти-возвращения в материнское лоно океана-моря переплетаются в художественной картине северорусского мира с христианским осознанием бессмертия человека, освобождающим его от ощущения фатальной обреченности и дарующим внутреннюю свободу торжества бессмертной души над смертью.

В одном из самых совершенных рассказов Бориса Шергина – «Для увеселенья» истинная сущность того состояния, которое названо Шергиным «весельем сердечным», раскрывается во всей своей глубине. Братья Личутины, обреченные погибнуть на затерянном в океане маленьком каменистом островке, рассудили так: «Не мы первые, не мы последние. Мало ли нашего брата пропадает в отношениях морских, пропадает в кораблекрушениях. Если на свете не станет еще двоих рядовых промышленников, от этого белому свету переменья не будет»¹³.

В рассказе есть еще два героя – капитан Лоушкин и повествователь. И то, что происходит с ними, не менее важно, чем поведение и душевное состояние Ивана и Ондreja. То «увеселенье», ради которого младший из братьев Личутиных «ухитрил раму резьбой», спустя четверть века после гибели двух «рядовых промышленников» достигло сердец двух других поморов, приплывших «на заветный островок». В последней части рассказа, где наиболее отчетливо и торжественно звучит мотив победы духа над плотью, памяти над забвением, жизни над смертью, возникает удивительное по красоте описание моря белой июньской ночью: «Заветный островок перед нами, как со дна моря всплыл. <...> Мы шапки сняли, наглядеться не можем. Перед нами художество, дело рук человеческих. А как пристало оно здесь к безбрежности моря, к этим птицам, сидящим на отмели, к нежной, светлой тусклости неба! <...> Проплакали и отерли слезы: вокруг-то очень необыкновенно было. Малая вода пошла на большую, и тут море вздохнуло. Вздох от запада до востока прошумел. Тогда туманы с моря снялись, ввысь полетели и там взялись жемчужными барашками, и птицы разом вскрикнули и поднялись над мелями в три, в четыре венца. Неизъяснимая, непонятная радость начала шириться в сердце. Где понять!.. Где изъяснить!..»¹⁴.

Радость, которую испытывают шергинские герои, – состояние не столько душевное, сколько духовное. Она никуда не исчезает и остается с человеком навсегда, более того – и по смерти

его изливается на других людей. И удивительный «сказочный» морской пейзаж одухотворен этим состоянием, включается в общую симфонию торжества над смертью.

В мифопоэтическом сознании и воплощающей его художественной картине северорусского мира смысловое наполнение образов *моря* и *океана* далеко не всегда тождественно. Северный Ледовитый океан («великое Студеное море – седой океан») – пространство, не имеющее пределов, соотносящееся с мировым океаном как воплощением первобытного хаоса, бездна, населенная хтоническими чудовищами, «вместилище всего свирепого и ледяного»¹⁵, «глубина океана – страшна, немерна»¹⁶. Студеный океан – царство полярной ночи, тьмы и холода; человеку в этом царстве места нет. Испытания, которым подвергается помор во время зимовки (почти всегда – вынужденной) на его берегах или островах, запредельны: «Да лучше бы сума, / острог бы окаянный, / чем лютая зима / в ледовом океане!»¹⁷.

В то же время где-то там, посреди этой враждебной стихии, таится Гусиная белая Земля, «где вкушают покой души добрых и храбрых. Там играют вечные сполохи, туда прилетают легкокрылые гуси беседовать с мертвыми. Там немолчно рокочут победные гусли, похваляя героев...»¹⁸.

Прибрежные моря, прежде всего – Белое, обжиты и освоены поморами. Гандвик – «домашнее» море; вслед за шергинским Егором Васильевичем многие из них могли бы сказать, что знают его как свой дом. В отличие от враждебного, стихийного океана-хаоса, море – «святая песня»¹⁹, «все повадки, сноровки его известны. Живут поморы с ним в согласии, по-семейному...»²⁰.

Авторские высказывания и слова героев рассказов Шергина о море точно, часто дословно воспроизводят речения поморов. В этом позволяют убедиться записи, опубликованные К.П. Гемп в книге «Сказ о Беломорье»: «И радость, и горе помору – все от моря»; «Море – кормилец помора единственный»; «Море для помора и друг, и помощник, и вражина»;

«Без Моря-Морюшка поморам не жить. Вся наша жизнь тут, в ём – и радости, и горюшко»²¹.

От юности сохранил Борис Шергин, сын «корабельного мастера первой статьи», и сумел передать читателю удивительное ощущение единства человека и моря, красоты природного мира и поэтического слова, воспевающего эту красоту: «Весной, бывало, побежим с дедом Пафнутием в море. Во все стороны развеличилось Белое море, пресветлый наш Гандвик. Засвистит в парусах уносная поветерь, зашумит, рассыпаясь, крутой взводень, придет время наряду и час красоте. Запоет наш штурман былинку:

*Высоко-высоко небо синее,
Широко-широко океан-море,
А мхи-болота – и конца не знай
От нашей Двины, от архангельской»*²².

Это один из любимых художественных образов Шергина – поющий человек и воспеваемое им море. Он встречается и в рассказе «Рождение корабля» («В тихий час, в солнечную летнюю ночь сядет Конон с подмастерьями на глядень, любит жемчужно-золотое небо, уснувшие воды, острова – и поет протяжные богатырские песни. И земля молчит, и вода молчит, и солнце полуночное над морем остановилось, все будто Конона слушают...»²³), и в «Грумаланском песеннике», а в рассказе «Мурманские зуйки» создана поистине эпическая картина, настолько яркая и зримая, что буквально встает перед глазами: «Мужики-поморы в свободный час тоже запоют. Выйдет к океану человек сорок таких бородачей, повалятся на утес, заложат руки за голову и подымут на голоса песню богатырскую... А седой океан будто пуще загремит, затрубит, подпевать человеку примется. Кто это слышал да видал, не забудет»²⁴.

В поморских былях, легендах и рассказах Бориса Шергина нередко встречается олицетворение моря, что воспринимается одновременно и как поэтический прием, и как отголосок древних языческих представлений. Это и «подпевающий» мужам-мореходам седой океан, и авторское сравнение: «Как кони вороные с

седыми гривами, валы летят по океану», и обращения героев рассказов-легенд «Любовь сильнее смерти» и «Гнев» к морской стихии. Кирик, мучающийся чувством вины, восклицает:

*«Гандвик-отец,
Морская пучина,
Возьми мою
Тоску и кручину...».*

А раненный братом Гореслав «с воплем крепким» просит океан стать вершителем праведного суда: «Батюшко Океан, Студеное море! Сам и ныне рассуди меня с братом!» И в обоих случаях просьба человека исполняется: морская стихия дает Кирику возможность ратным подвигом искупить вину перед братом, а обезумевшего от злобы Лихослава «седой непомерный вал» уносит в бездну.

В поэтических текстах олицетворение северных морей – один из наиболее распространенных способов метафоризации. Белое море в одноименном стихотворении В. Белозёрова «Ворочает камни, / Стругает, стучит / Вздох, / До седьмого пота...»²⁵; у Анатолия Лёвушкина «море – прямое в дружбе. / Море – прямое в гневе», оно «дышит тепло и влажно»²⁶, «в разбойном раже» корчится в буйстве, «с коварностью внезапной взрывается»²⁷.

О том, что олицетворение, персонификация моря-океана – не только авторский художественный прием, свидетельствуют, в частности, записи Ксении Гемп. В поморских деревнях даже в XX веке обращение к морю как к живому существу встречается постоянно: «Море обиды да смешков не любит»; «Батюшко родной, море Белое»; «Морюшко – любованье наше. Ему, батюшке, песни поём»; «Кормилец наш, морюшко Белое. Уважение ему всех жителей Беломорья»²⁸.

Сакральный характер Белого моря, его побережий и островов, их святость – результат долгого и многотрудного духовного освоения человеком этих пространств. Поморские кресты – обетные, памятные, погребальные («большинство из них установлены в местах промыслов или связаны с событиями, происшедшими на промыслах. До установления советской власти в Поморье деревянный

крест являлся необходимым атрибутом каждой тони»²⁹), островные и прибрежные монастыри – Спасо-Преображенский на Соловках, Крестный на Кий-острове, Николо-Корельский в Никольском устье Белого моря, многочисленные церкви и бесчисленные часовни, чаще всего – во имя святителя Николая просветляют и преобразуют берега и воды, отражая устремленность русского человека к горнему, обетование Царствия Небесного. И эта устремленность сообщается и природному миру.

В 1939 году в канун памяти святителя Николая Мирликийского Борис Шергин записывает в дневнике: «Зимний завтра Никола. Так по белым снегам его и прокатывает Русь-та. Краше его, света, мало... Монастыри, храмы, деревни, корабли – сколько их, посвященных святому Николе. Живший в Малой Азии в Мирах Ликийских в IV веке, живет уж много веков на Русском Севере. “От Колмогор до Колы тридцать три Николы” – церкви Николины. Монастырь Николы Корельского на Двине, Никола Веркольский на реке Пинеге. В каком доме не было его лика пречестного? На Пинеге “вырезной” Никола ежегодно снашивает сапоги»³⁰. “Поглядишь: подметочки все уж сношены... Он ходит”. Да где только не расскажут вам о новых чудесах св. Николы. Полной жизнью живет “святой Николае” на Руси»³¹.

В день памяти святых соловецких угодников в дневнике Шергина за 1942 год появляется запись: «Там, на Соловках, поет ли сегодня славу хотя один голос человеческий? Но море поет стихиры, как пело века... Вот я слышу: набегают мелкие волны, целуют камни основания стен соловецких и отхлынут обратно... А вот молчаливо подходят, как монахи в черных мантиях с белыми кудрями, ряды больших волн. Выровнявшись перед древними стенами и став во весь рост, валы враз творят земной поклон... И вот встают в рост и, оправив темные, тьмо-зеленые мантии, уже пошли с другими вокруг острова как бы в торжественном крестном ходе»³².

Мифопоэтический мотив состязания с морем, испытания им преобразуется в мотивный

комплекс душестроительства. Ежедневное испытание на прочность, смертельная опасность, подстерегающая помора всегда, выковывают личность сильную, свободную, мужественную, равную морской стихии в этом ощущении свободной силы. «О море! Души моей строитель!»³³ – этим признанием завершает рассказ о своей жизни, о нелегком пути самоотречения и жертвы и обретении душевной радости и веселья сердечного герой рассказа Шергина «Егор увеселялся морем». Анатолий Лёвушкин развивает этот мотив в стихотворении, которое предваряет эпиграфом – поморской поговоркой: «Море строит человека»: «А море человека строит. / И человек, конечно, стоит, / чтоб морем выстроены были / его характер и душа!»³⁴.

Северные моря и Ледовитый океан, в отличие от других морей-океанов, воспринимаются как предел, край света; граница земли и моря – край ойкумены. Впереди в реально-географическом измерении – Северный полюс, макушка земли, в мифопоэтическом – «структурированный космос расплывается, становится текучим, зыбким, призрачным. Мир покидает свою пространственно-временную ограниченность, предельность, конечность. Пространство истончается, просветляется и исчезает, растворяясь в стихии целокупного света полярного дня»³⁵.

Пограничным северным землям свойственна амбивалентность – здесь открываются все дороги и заканчиваются все дороги. Заканчиваются дороги сухопутные и реальные жизненные пути, в том числе и метафорические (жизнь – путь) и начинаются дороги морские и метафизические: «Тем плотным дорогам у нашего города конец приходит, полагается начало морским беспредельным путям»³⁶; здесь, на береговой черте, пролегают границы времени и вечности, жизни и смерти: от архангельских «пристаней отходят познавать мрачные пределы Последнего моря»³⁷. Неслучайно Юрию Казакову открывающиеся ему здесь, на погра-

ничной черте, дороги казались сказочными, загадочными, ведущими «Бог знает куда»: «Будто именно в Архангельске проходила та вещая черта, которая отделяла все знакомое, испытанное от необычайного, известного... только по былинам, по сказам»³⁸.

Поэту Николаю Тряпкину «выход» к полярному побережью дарует ощущение слияния с мирозданием: Северная Русь видится ему символическим воплощением всей России и – шире – всей Земли, а ее предел становится пределом обитания:

*Сколько веков я к порогу земли прорубался!
Застили свет мне лесные дремучие стены.
Двери открылись.
И путь прямо к звездам начался.
Дайте ж побыть
на последней черте Ойкумены»³⁹.*

От Печорских ворот лирическому герою Тряпкина становится видно не только «во все концы света», как героям Гоголя, но и во все тысячелетия. Мир охватывается одним взором – от начала творения до конца света:

*И земля колотилась, как в начале творенья,
Закипала вода.
Это семужьи орды, разрывая коренья,
Пробивались сюда...
А над миром сияли Полуночные горы
В полуночном венце.
Это было в Начале, у истоков Гоморры,
Это будет в конце»⁴⁰.*

Даже далеко не полный обзор литературного материала позволяет убедиться в том, что мифологема моря в художественном мире Северного текста русской литературы универсальна и всеобъемлюща. Она раскрывает единство человека и мира в исторической и эсхатологической перспективе, восходит к древним космогоническим представлениям и обогащается культурными смыслами, формирующимися в течение столетий. По сути дела, море в мифопоэтическом сознании поморов равновелико жизни, смерти, человеку и мирозданию.

Примечания

- ¹ *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 63.
- ² *Шергин Б.В.* Двинская земля // Запечатленная слава. М., 1967. С. 34.
- ³ *Теребихин Н.М.* Северный текст Б.В. Шергина // Северный текст в русской культуре: материалы междунар. конф. Архангельск, 2003. С. 134–135.
- ⁴ *Казаков Ю.П.* Осень в дубовых лесах // Легкая жизнь. СПб., 2003. С. 255.
- ⁵ *Шергин Б.В.* Егор увеселялся морем // Указ. соч. С. 129.
- ⁶ Его же. Братанна // Указ. соч. С. 237–238.
- ⁷ *Топоров В.Н.* Океан мировой // Мифы народов мира: энцикл. в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 249.
- ⁸ *Шергин Б.В.* В отnose морском // Указ. соч. С. 271.
- ⁹ Его же. Двинская земля // Там же. С. 35.
- ¹⁰ *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004. С. 208.
- ¹¹ *Казаков Ю.П.* Северный дневник // Указ. соч. СПб., 2003. С. 600.
- ¹² Там же. С. 197–198.
- ¹³ *Шергин Б.В.* Для увеселенья // Указ. соч. С. 122.
- ¹⁴ Там же. С. 123–125.
- ¹⁵ *Казаков Ю.П.* Северный дневник // Указ. соч. С. 403.
- ¹⁶ *Шергин Б.В.* Двинская земля // Указ. соч. С. 34.
- ¹⁷ *Лёвушкин А.И.* Как осерчал помор // Остойчивость. Архангельск, 1978. С. 19.
- ¹⁸ *Шергин Б.В.* Любовь сильнее смерти // Указ. соч. С. 229.
- ¹⁹ *Матвеев В.* Моя судьба // Заполярные вечера. Мурманск, 1963. С. 20.
- ²⁰ *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. С. 281.
- ²¹ Там же. С. 139, 280.
- ²² *Шергин Б.В.* Двинская земля // Указ. соч. С. 44.
- ²³ Его же. Рождение корабля // Указ. соч. С. 28–29.
- ²⁴ Его же. Мурманские зуйки // Указ. соч. С. 69.
- ²⁵ *Белозёров В.* Белое море // Штормовой век. Мурманск, 1966. С. 25.
- ²⁶ *Лёвушкин А.И.* Море в иллюминатор... // Венец. Архангельск, 1970. С. 104.
- ²⁷ Его же. Остойчивость // Указ. соч. С. 7.
- ²⁸ *Гемп К.П.* Указ. соч. С. 139, 280–281.
- ²⁹ *Филин П.А., Фризин Н.Н.* Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Ставрографический сборник. Кн. 1. М., 2001. С. 167–168.
- ³⁰ *На Пинеге «вырезной» Никола ежегодно снашивает сапоги.* – Шергин говорит об уникальном явлении искусства Русского Севера – резной деревянной скульптуре (резные фигуры святых, распятия, рельефные изображения Евангельских событий). Особой любовью пользовалась на Севере скульптура «Никола Можайский».
- ³¹ *Шергин Б.В.* Праведное солнце: Дневники разных лет. СПб., 2009. С. 61–63.
- ³² Там же. С. 91.
- ³³ *Шергин Б.В.* Егор увеселялся морем // Указ. соч. С. 141.
- ³⁴ *Лёвушкин А.И.* А море человека строит // Указ. соч. С. 12.
- ³⁵ *Теребихин Н. М.* Геософия и этнокультурные ландшафты народов Баренцева Евро-Арктического региона // Поморские чтения по семиотике культуры: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: сб. науч. ст. Архангельск, 2006. С. 71.
- ³⁶ *Шергин Б.В.* Двинская земля // Указ. соч. С. 40.
- ³⁷ *Шергин Б.В.* Сокровенное. М., 1994. С. 90.
- ³⁸ *Казаков Ю.П.* Северный дневник // Указ. соч. С. 419.
- ³⁹ *Тряпкин Н.И.* Горящий Водолей. М., 2004. С. 78.
- ⁴⁰ Там же. С. 65.

Galimova Elena Shamilyevna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Philology and Cross-Cultural Communication

**ARCHETYPAL IMAGE OF THE SEA IN THE ART SPACE OF THE NORTHERN TEXT
OF RUSSIAN LITERATURE**

The article studies one of the central archetypal images-mythologems which characterize Pomor worldview. The analysis of literary texts allowed the author to identify the basic meanings and ways of creating this image, to explore its relationship with the folk sources and mythological consciousness.

Key words: *northern text of Russian literature, archetype, mythologem, artistic worldview.*

*Контактная информация:
e-mail: egalimova2006@yandex.ru*

Рецензент – *Николаев Н.И.*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории литературы Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске